

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А87

Художник АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

В книге использованы фотографии из архива РИА Новости, ИТАР-ТАСС, East News. Благодарим архив МВШСЭН за предоставленные фотографии Теодора Шанина

ООО ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Издание осуществлено при поддержке
ООО «Либеральная миссия»

Архангельский, Александр Николаевич.

А87 Несогласный Теодор : История жизни Теодора Шанина, рассказанная им самим / Александр Архангельский. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2020. — 410, [5] с., ил. — (Счастливая жизнь).

ISBN 978-5-17-119656-1

Серия “Счастливая жизнь” — о судьбах людей XX века, которые стали не просто свидетелями, а участниками гигантских событий XX века.

Книга “Несогласный Теодор” родилась из многочасового интервью, данного автору серии Александру Архангельскому.

Социолог, основатель МВШСЭН (знаменитой Шанинки) Теодор Шанин — без преувеличения человек Большой Истории: Вильно 1930-х, ссылка на Алтай, Самарканд, бегство через Польшу во Францию, война за молодой Израиль, революция в Англии 1968-го, создание первого в России международного университета. И — как сухой остаток испытаний — счастье. Счастье человека, который живет свою жизнь так, как считает нужным. Счастье — жить поверх трагедии Истории.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-119656-1

© Архангельский А.Н.
© Бондаренко А.Л., художественное оформление
© ООО “Издательство АСТ”

Содержание

<i>Предисловие</i>	7
ГЛАВА 1. Виленчанин	13
ГЛАВА 2. Посланник Иегуда	37
ГЛАВА 3. В Боливию через Палестину	71
ГЛАВА 4. Война и мир	97
ГЛАВА 5. Неудобный Теодор	129
ГЛАВА 6. Мои университеты	153
<i>Вместо послесловия</i>	175

Предисловие

О ком эта книга?

О Теодоре Шанине, которого русские друзья иногда называют Федей, иногда — Теодором Матвеевичем.

Шанин — это круто. Он наш великий — без преувеличения великий — современник. Социолог, мыслитель, практик социальной работы, историк русского крестьянства, основатель Московской высшей школы социальных и экономических наук. Родившийся в 1930 году в польском (юридически), еврейском (культурно) городе Вильно, ставший гражданином разных стран и крупным ученым, он живет сейчас между Москвой и Кембриджем. И теряется, когда его спрашивают о родном языке. Польский? Пожалуй. Русский? Конечно. Идиш? Да. Иврит? Отчасти. Английский? Без сомнения. Почему так? Прочтите книгу, узнаете. Но главная

причина, по которой я без колебаний и угрызений совести рекомендую книгу, к которой имею самое непосредственное отношение, в другом. В содержании, а отчасти и форме.

Книга, которую вы сейчас читаете, короткая. А жизнь Шанина длинная. И сжатая, как пружина. С суждениями Теодора Шанина можно соглашаться или не соглашаться (несогласие с несогласным — милое дело), но не чувствовать, что рядом с тобой человек Большой Истории, нельзя.

О чем эта книга?

О счастье жить — поверх трагедии Истории. Русская классическая литература научила нас рассказывать о страдании и боли, а массовая — о безоблачном счастье. Но как поведать миру о счастливой жизни поперек трагической эпохи, никто не знает. Да и что значит — счастливой? Теодор Шанин прошел через такое, что и в ночном кошмаре не представишь. Крах буржуазной сытой жизни в предвоенном Вильно, в одиннадцать лет — ссылка на Алтай. Гибель деда и сестры, оставшихся под немцами. Голод. Кража хлеба в Самарканде, бегство через Польшу во Францию. Война за молодой Израиль, конфликт с родной страной. Революция 1968 года в Англии. Созда-

ние первого в России международного университета, вопреки безденежью и хаосу. Но сквозное чувство, которое пронизывает рассказ о его (без малого девяностолетней) жизни, — именно счастье. Счастье вопреки всему; счастье как сухой остаток испытаний; то глубинное счастье мудреца, который живет свою единственную жизнь так, как считает нужным. Не считаясь с обстоятельствами.

Как построена эта книга?

Как небольшой биографический роман, где Шанин выступает в главной роли. В роли самого себя. Я взял у Теодора многочасовое интервью, сначала выбросил свои вопросы, потом достроил текст таким образом, чтобы он читался как сплошная головокружительная история — собственно, так, головокружительно, Шанин жил всегда и продолжает жить сегодня. Вся история XX столетия и первых двух десятилетий XXI века прошла сквозь него, сквозь его судьбу. По Шанину можно и нужно изучать, как советовал Пушкин, историю “домашним образом”. Вот перед нами человек, который был не просто свидетелем, а прямым участником гигантских событий, в которых не затерялся и не растворился. И стал самим собой. Тем Шаниным, которого мы знаем.

Итак, он в данном случае не мемуарист, хотя текст внимательно прочел и в некоторых местах авторизовал. Над своими мемуарами Теодор работает и когда-нибудь выпустит их в свет, но это будет совсем другая книга. Наша книга — не историческое исследование. Шанин здесь — именно герой-рассказчик. Поэтому я сохранил (с любезного согласия Теодора) некоторые чудесные особенности его речи, великолепные не-правильности, и фонетические, и грамматические — чуть-чуть, вкраплениями, без перебора; этот аромат многоязычия нечто важное добавляет к рассказу. Кажется, в учебниках по креативному письму это называют “речевой характеристикой”.

*Есть ли у этой книги
еще какие-то особенности?*

Есть! Она задумана как часть большого “текучего” проекта под названием “Несогласный Теодор”. Книга связана с подкастом. Подкаст — с видеoversией, документальным многосерийным веб-доком. Аудио уже вышло; оно доступно для подписчиков радио “Арзамас” arzamas.academy/radio/announcements/shanin_1. Чтобы прослушать полную версию, нужно скачать приложение по ссылке, зато

эта запись в бесплатном доступе. Одновременно с этой книгой должно появиться 19 десятиминутных видеоэпизодов.

А будет ли продолжение?

У книги “Несогласный Теодор” — нет. Все, что мы совместно с Теодором хотели в данном случае сказать, сказано. А вот у серии “Счастливая жизнь”, надеюсь, да. Сейчас в работе еще один документально-биографический роман, а будут и другие. Моя фамилия на обложке означает, что я автор серии, как целого проекта. А каждая отдельная книжка — результат совместной работы с рассказчиком.

Благодарности

Я признателен редакции *Colta.ru*, напечатавшей сокращенную версию книги.

Академии *Arzamas*.

Ректору МВШСЭН (“Шанинки”) Сергею Зуеву, руководителю PR-отдела Ольге Лукиновой — в частности, за предоставленные фотографии. Марии Пральниковой — за поддержку.

Сердечная благодарность магистрантам программы “Трансмедийное производство в цифровых индустриях” НИУ ВШЭ, которые под руко-

водством профессора Анны Новиковой готовили электронную версию книги.

Отдельное спасибо Татьяне Сорокиной, вместе с которой мы этот проект задумали и реализуем, шаг за шагом.

Александр Архангельский

ГЛАВА 1
Виленчанин

Когда меня спрашивали: “Ты откуда родом?” — у меня всегда была проблема, как ответить. И в конце концов сложился такой речитатив: мой отец родился в России, моя мама родилась в Германии, я родился в Польше, при этом мы все родились в одном и том же городе, который теперь является столицей Литвы.

Если проще и конкретней — я родился в Вильно, нынешнем Вильнюсе. В 1930 году то был значительный город Польши, половина населения которого ощущала себя евреями. На юге Польши были евреи, которые определяли себя как поляки еврейской религии, а в Вильно местные евреи бесились, когда кто-либо смел так их называть. Потому что в своих глазах они были евреями с большой буквы. Город был столицей миснагдим, или

литваков* — тех евреев, которые вслед за Виленским гаоном, то есть гением из Вильно, который считался и святым, и самым умным, и самым великим, оказали в XVIII веке сопротивление хасидскому движению, как и ассимиляции.

Гаон, по имени Элияху бен Шломо Залман, был не только главным теологическим авторитетом, но и блестящим математиком, то есть человеком, склонным к рациональному мышлению. И когда мы говорили “наши”, то это значило “евреи, но не хасиды”. Над хасидами посмеивались. Они танцевали, когда молились. Они пели во время молитвы. Что миснагд считал невероятно неприличным и глупым. А еще считалось, что хасиды не умеют защищать свою еврейскость. А как ее защищать? Надо драться с польскими антисемитами. Хасиды не умели драться как надо, а виленчане дрались отлично. И еще они не принимали мистическое мышление, которое выражала Каббала, и всякое такое прочее. Они считали, что настоя-

* Сделаю единственную сноску, чтобы еще раз напомнить: это не мемуары и не исследование, а документальный роман, для которого важнее сохранить особенности речи, чем научно обоснованное написание. Скажем, Теодор употребляет то слово “миснагдим”, то “миснагд”, то “миснагед”; словарь дает другую норму: миснагдѣм, митнагдѣм, миснѣгеды. Для историка это ересь, для редактора — соблазн, а на самом деле – живая жизнь языкового сознания реального человека. (Примеч. А. Архангельский.)

щая религия — это Талмуд, свод правил. То есть быть по-настоящему религиозным — это изучать и знать право. И раввин для них был советником по праву, а не представителем святости. Миснагед нес личную ответственность перед Богом за свое поведение и свои взгляды.

Это, конечно, создавало такую жесткую пуританскую религию. Миснагды были, так сказать, еврейскими пуританами, что я понял куда позже, когда увидел настоящих пуритан. И вели себя предельно ответственно. Купцы из Вильно не подписывали договоров, потому что, если человек сказал слово, он его будет соблюдать. Мой отец гордился, что никогда не подписал векселя. Кстати, слово *миснагед* значит на иврите “несогласный”. Так что я — из несогласных.

Маму мою звали Ребекка Яшуньска. Это звучит совершенно как польская дворянская фамилия. Причина, по-видимому, в том, что евреи, работавшие на польское дворянство, часто, когда им начали раздавать фамилии, принимали фамилию человека, который был хозяином земель. А есть место недалеко от Вильно, которое называется Яшуны.

В семье говорили на нескольких языках — что, между прочим, было довольно нормально для средних классов Вильно. Мать кончала польский